

31 декабря, 28.45.
В центре комнаты - круглый праздничный стол. Головы с кистями, ножи, вилки, потрепанный томик Кихельбекера, множество тарелок с закуской, бутылки - соответственно. Всё осталось почему-то расположено вокруг стола.

На девяти стульях сидят семь человек, среди них - разнометрово распределены две женщины. Та, что выглядит помоложе, систематически смотрит глазами мужу, сидящему под левую руку. Муж в меланхолии, употребляет рыбу под шубой. По леву руку от него - одинокий молодой человек, удивительно похожий на Кихельбекера 1828 года. Далее: хозяин дома, стола и прочего, его хозяйка, Иван Андреевич, Андрей Степанович и Степан Иванович, Иван Андреевич уговаривает Андрея Степановича, Андрей Степанович - Степана Ивановича, Степан Иванович - соответственно. Последним в списке стоит библиотекарь Поликир, произнося очередной тост. Тост неизвестен, вызывает не размышления и просит изобиловать.

Вот уже полтора часа все присутствующие едят, разговаривают, изредка занимаются остальным, особенно приятным.

У окна на голубом экране чёрно-белого телевизора накрахмаленный диктор с нахмуренными глазами наизусту читает с листа что-то хорошее. Тренированное ухо сразу определяет, что звук у телевизора выкличен. Вдоль стен - изрядно мебели, на её фоне - пёстрый кот, сидящий в углу с заранее обдуманными намерениями, причём точнёхонько под портретом Кихельбекера. Соответственно.

ГОД

Ний

Минутная стрелка на настенных часах принимает то вульгарности вертикальное положение. Степан Иванович с возгласом "Пора!" вскакивает, подходит к телевизору и зачем-то остервенело крутил регулятор размера по диагонали. Хозяин, то примики угадывая его желание, делает то же самое, но прибавляет звук.

- Аричи! - воскликивает накрахмаленный диктор и исчезает. Вместо него бьют куранты. - С Новым Годом! - зевдышно осклоняется, произносит библиотекарь Поликир.

Стулья отодвигаются, все встают и с силой чокаются фужерами. Фужеры остаются целыми, но чего-то в них уже не хватает. Присутствующие успокоенно садятся.

В этот момент и произносит Андрей Степанович фразу, лизавшую предыдущую картину радостным тоном певицы Бетто:

- Ну вот, Новый Год пришел...

Поясняет спаэдческое молчание. Слышино, как муж, женщины, что выглядят помоложе, употребляют слоги творищи Ольги. Иван Андреевич трагически приподняв брови, смотрит на соседа, потом вокруг и вопросительно недоумевает:

- Пришел, что ли?

Через несколько секунд хозяин дома, стоя и прочего выходит в прихожую. Слышино, как он открывает входную дверь, зачем-то копается в почтовом ящике. Возвращается и под пристальным взглядом гостей растерянно разводит руками:

- Нет никого...

- Господи... - выдыхает хозяйка и тоже выходит через дверь. Понимается с подпрыгивающей косметикой, с таким же, как у мужа, растерянным взглядом, но более бодро произносит:

- Ну, ничего. Немного подождать можно. В её глазах явственно читается испуганное "Ведь правда же?..". В глазах Ивана Андреевича: "Нет уж, позовольте!" За взгляде Степана

Ивановика - полное осознание хозяйки, вылота до деталей. Во взгляде акварельного Кихельбекера со стены - соответственно.

Вспомнив, что он всё-таки старый друг дома, библиотекарь Поликир говорит прогдоно и хлебосольно, будто уговаривает зевседгатев "Риги" солёными крабами ногами:

- Ка-е-нешно, можно и подождать. Мы для того и собрались, чтобы его встретить...

- И никуда он от нас не уйдёт! - неожиданно и зловеще зевзревает молодой человек, удивительно похожий на Кихельбекера первой четверти прошлого века. После этого он краснеет, опускает глаза и лизкой исследует узор на голубой скатерти. Женщина, что выглядит помоложе хозяйки, дерёт ему восхищенный взгляд, но при этом строит глаза мужу. Последний с трудом отрывается от тарелки, размышияет, потом употребляет снова. Слышен обреченный хрост огурцов.

сказ

- Может, споем пока? А, Ольге Петровна? - грубо, но вовремя находит выход из затруднительного положения хозяин. Ольга Петровна томно отекивается, но всё-таки берёт гитару из рук хозяинки. По тому, как она откашливается и закрывает глаза, все догадываются, что песня будет авторской. И это действительно так.

Когда звучит последний куплет, хозяйка выходит из комнаты и появляется снова с настенным отрывным календарём в руках. Прислоняет его к лицу своему на стене картонного основания с портретом... нет, не Кихельбекера, а восточно-европейской эвчарки, спокойно отрывая заглавные листы. Присутствующие видят листы с красным узором и надпись "1 января".

Реакции различны. Хозяин бравирует способствием скульптуры в парке...

шамтк

Сегодня мы не будем рассматривать то, что у всех на виду, а постараемся заглянуть в глубь человека. Первое, что бросается в глаза называется языком.

Язык помещается во рту и защищён от выпадающих зубами. Язык, как и некоторые другие части тела, не снабжён kostями, и потому чрезвычайно гибок, даже иногда зевдается.

Язык может быть длинным, острым, греческим, с гарнитом и иностранным. Длинный язык очень опасен в эксплуатации: при встрече с незнакомым человеком есть вероятность его прощупать. Острый язык постоянно чешется и им точат языки. А с греческим языком совсем не церемонятся. Шестикрылый серебрянка, например, вырвал его у одного из известных поэтов. Но особо торжественным случаем язык поклоняется на столе вместе с гарнитом, хотя в последнее время это считается пережатком прошлого.

Язык - орган, который говорит сам за себя. Иностранный язык говорит много, но непонятно, русский скажет гораздо короче и получит 15 суток, настолько он велики и могут! Те, кто владеет несколькими языками, называются полиглотами (язычниками).

Область применения языка не ограничивается ротовой полостью. Им можно облизываться, доставать до кончика носа, клеять марки, молоть, доводить до безразсудства. Но не увлекайтесь, ведь язык - интимная часть тела. Не показывайте его кому попало, если это не врач.

А закончить свой исследование мы хотим следующим добрым пожеланием: "Язык на плечо! Шагом марш учиться!"

ФРЕННОЛОГА

Хвостом вой
Мальчик Гессик налил сэру Арчибалду Джонсу царской водки.

